

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ПАКТ 1939 ГОДА И ПРОБЛЕМА ВОССОЕДИНЕНИЯ С БЕССАРАБИЕЙ И СЕВЕРНОЙ БУКОВИНОЙ

Е. Е. Палютин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 июля 2025 г.

Аннотация: статья посвящена возвращению Бессарабии в состав Советского Союза и присоединению Северной Буковины к СССР накануне Второй мировой войны. Рассмотрен и проанализирован процесс дипломатического урегулирования бессарабского вопроса в период подготовки советско-германского договора о ненападении 1939 г. Сделан вывод о длительной подготовке со стороны СССР к присоединению Бессарабии и Северной Буковины в 1940 г.

Ключевые слова: история СССР, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Бессарабия, Северная Буковина, советско-германский пакт о ненападении 1939 г., В. М. Молотов, Й. фон Риббентроп.

Abstract: the article is devoted to the return of Bessarabia and Northern Bukovina to the Soviet Union on the eve of World War II. The process of diplomatic settlement of the Bessarabian issue during the preparation of the Soviet-German non-aggression treaty of 1939 is considered and analyzed. It is concluded that the USSR had been preparing for a long period of time for the annexation of Bessarabia and Northern Bukovina in 1940.

Key words: history of the USSR, Great Patriotic War, World War II, Bessarabia, Northern Bukovina, Soviet-German non-aggression Pact of 1939, V. M. Molotov, J. von Ribbentrop.

Возврат в состав Советского Союза Бессарабии, а также присоединение Северной Буковины представляет для современных историков серьезный научный интерес, усиливающийся в связи с празднованием 80-летия Великой Победы.

В отечественной историографии конца XX – первой четверти XXI в. к данной проблеме присутствовал значительный интерес, что зафиксировано в целом ряде научных публикаций – монографий, статей, материалов научных конференций [1–3].

В данной статье нами будет рассмотрен процесс обсуждения «бессарабского вопроса» в ходе подготовки и заключения советско-германского пакта о ненападении 1939 г.

Нужно начать с того, что в 1918 г. Бессарабия и Северная Буковина были аннексированы Румынией в рамках создания так называемой «Великой Румынии», но советское правительство юридически никогда не признавало потери Бессарабии, считая эту территорию своей. Бессарабский вопрос периодически обсуждался в ходе международных контактов между СССР и державами Антанты [4, с. 348], но реальные подвижки в этом направлении стали возможны именно в период подготовки советско-германского соглашения.

Инициатива в «бессарабском вопросе» принадлежала германской стороне, от имени которой 9 мая

1939 г. посол в Турции Ф. фон Папен предложил советскому визави В. А. Терентьеву перспективы улучшения двусторонних отношений, в том числе затронув «румынский сюжет» [5, с. 141].

Отечественные исследователи конца 90-х гг. XX в. обращали внимание на несколько встреч между советскими и германскими дипломатами в Турции в период 9–11 мая 1939 г., в ходе которых обсуждался ряд вопросов, которые следовало обсудить для улучшения двусторонних отношений. Фон Папен подтвердил заинтересованность нацистского руководства в балканском регионе, но при этом впервые выразил готовность признать советские интересы в Бессарабии [6, с. 18–19]. Тема Северной Буковины в тот период не поднималась.

В середине мая 1939 г. «бессарабский вопрос» косвенно обсуждался уже в Берлине, в ходе беседы начальника экономического отдела германского МИДа Г. Шнуре с послом СССР в столице Германии Г. А. Астаховым, когда германский представитель пытался заверить советского дипломата в «отсутствии у Германии каких бы то ни было агрессивных стремлений в отношении СССР» [7, с. 465]. Эта линия была продолжена положительной реакцией Москвы на германское предложение о возобновлении переговоров по экономическим вопросам от 23 мая, но не нашла поддержки в области политических решений.

Несмотря на тенденцию к улучшению советско-германских отношений с мая 1939 г., на самом деле параллельно нацистское руководство не теряло надежды на достижение компромисса с Великобритией.

нией. В этом контексте нервозность проявляло руководство королевской Румынии, которое дважды в июне–июле 1939 г. через Польшу зондировало ситуацию по бессарабскому вопросу, оба раза получило от СССР ответ, что никаких оснований беспокоиться у Румынии нет [5, с. 142].

Неудача англо-германских (лондонских) переговоров 18–21 июля 1939 г. вновь актуализировала контакты между Германией и Советским Союзом, для которых одним из основных аспектов был фактор национальных меньшинств (в частности, немецкого меньшинства в Галиции, Волыни (бывшей территории Польши), Прибалтике, Бессарабии и Северной Буковине), что вновь сделало актуальным румынский кейс [8, с. 168].

Советское руководство было не в курсе, что переговоры между Великобританией и Германией закончились безрезультатно, но пошло на контакты с германской стороной. Так, 28 июля у Г. А. Астахова состоялся разговор с Г. Шнурре, который уже напрямую касался бессарабского вопроса. Представитель рейха впервые высказался о необходимости закрепления наметившегося кредитного соглашения «секретным договором», в котором было бы зафиксировано желание сторон улучшить политические отношения. «Деятельность германской дипломатии в балканских странах, – заявил германский политик, – ни в чем не нарушает советских интересов. Впрочем, если бы дело дошло до серьезных разговоров, то я утверждаю, что мы в данном случае целиком пошли бы навстречу им» [9, с. 215].

Таким образом, германская сторона прямо дала понять советским партнерам, что готова рассмотреть и удовлетворить требования СССР относительно Румынии. При этом речь шла не только о Бессарабии, что оставляло открытым и проблему Северной Буковины. Хотя прямо буковинский вопрос в этот период не ставился.

Нужно отметить, что к этому моменту СССР еще продолжал англо-франко-советские переговоры, поэтому Москва отреагировала 29 июля со сдержанным оптимизмом от имени наркома иностранных дел В. М. Молотова, но на повторные германские запросы от 2, 3 и 6 августа Советский Союз не отреагировал, до последнего ожидая продолжения переговоров с Англией и Францией. После того, как 7 августа эти переговоры были прерваны, советское руководство вновь обратило внимание на германские предложения с целью урегулировать пограничные споры и вопросы национальных меньшинств [там же, с. 231; 10].

10 августа министр иностранных дел рейха И. фон Риббентроп встретился с Астаховым, который писал, что «немцы хотят во что бы то ни стало предотвратить военное соглашение советской стороны с западными союзниками и ради этого сейчас они го-

тобы на такие декларации и жесты, какие полгода назад могли казаться совершенно невозможными. Германия, – докладывал поверенный в делах, – готова разговаривать и договариваться с нами по всем интересующим нас вопросам, в том числе, – подчеркнул он, – по Прибалтике, Бессарабии и Польше, лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей» [9, с. 293].

Реакция Москвы последовала на следующий же день, когда в Берлин поступила телеграмма, в которой указывалось, что СССР готов обсудить комплекс вопросов, в том числе и по Бессарабии [11, с. 415].

После этого ответа вновь последовала пауза, которая была прервана 19 августа 1939 г., когда германский посол в Москве Ф. фон Шуленбург дважды встречался с советским наркомом В. М. Молотовым, в ходе чего стороны, по мнению российских историков начала 90-х гг. XX в., пришли к выводу «о необходимости подписания секретного протокола, который определит взаимные интересы сторон по тому или иному вопросу внешней политики», и «который, значилось в заявлении, окажется составным элементом пакта о ненападении» [12, с. 32].

Заключенный 23 августа 1939 г. советско-германский договор о ненападении содержал три тайных протокола – польский, прибалтийский и бессарабский (румынский). «Касательно Юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес к Бессарабии, с германской стороны между тем заявляется о ее политической незаинтересованности в этих областях», – было зафиксировано в соглашении [9, с. 321]. Проблема Северной Буковины не была письменно зафиксирована, но имела место некая устная договоренность о том, что она относится к сфере германских интересов [12, с. 32].

Исходя из анализа опубликованных источников и работ отечественных историков можно сделать вывод о том, что сама бессарабская проблема как составная часть советско-германского соглашения была изначально заявлена со стороны Германии в мае 1939 г. С тех пор она постоянно сопутствовала консультациям и переговорам между СССР и Германией, но на первый план она не ставилась, уступая по значимости польскому и прибалтийскому вопросам. В частности, в ходе консультаций при подписании договора о «Дружбе и границе» (28 сентября 1939 г.) румынская проблема вообще затронута не была [13, с. 118].

В дальнейшем Советский Союз воспользовался изменением геополитической ситуации весной–летом 1940 г., истолковав соглашение с Германией в свою пользу, в частности, с присоединением не только Бессарабии, но и Северной Буковины, а также с переселением местных (бессарабских и буковинских) немцев [3; 13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблизин В. А. Бессарабская проблема и план «Барбаросса» / В. А. Аблизин // Новейшая история Отечества XX–XXI вв. – Саратов : Наука, 2007. – С. 26–33.
2. Кретинин С. В. Переселение этнических немцев из Бессарабии и Северной Буковины в Германию в 1940–1941 годах. По материалам российских архивов / С. В. Кретинин // Новая и новейшая история. – 2017. – № 1. – С. 75–81.
3. Мельюхов М. И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами, 1917–1940 / М. И. Мельюхов. – М. : Вече, 2010. – 480 с.
4. Цыганов А. С. Забытые уроки истории : роль стран-союзниц в потере Россией территории Бессарабии в 1918 году / А. С. Цыганов // Гуманитарные чтения «Свободная стихия» : материалы III Международной научно-практической конференции / ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» ; под ред. Е. А. Барминой, О. А. Москаленко. – Севастополь, 2018. – С. 348–356.
5. Судоплатов П. А. Лубянка и Кремль. Спецоперации 1930–1950 годы / П. А. Судоплатов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 1997. – 722 с.
6. Безыменский Л. А. Советско-германские договоры 1939 г. Новые документы и старые проблемы / Л. А. Безыменский // Новая и новейшая история. – 1998. – № 3. – С. 18–19.
7. Год кризиса : в 2 т. Т. 1: 29 сентября 1938 г.–31 мая 1939 г. / сост. МИД СССР. – М. : Политиздат, 1990. – 555 с.
8. Кретинин С. В. Немцы в Польше и политика нацистской Германии накануне Второй мировой войны / С. В. Кретинин // Исторический журнал : научные исследования. – 2015. – № 2. – С. 162–168.
9. Год кризиса : в 2 т. Т. 2: 2 июня 1939 г.–4 сентября 1939 г. / сост. МИД СССР. – М. : Политиздат, 1990. – 480 с.
10. Кретинин С. В. Фактор национальных меньшинств в период между двумя мировыми войнами (1919–1939) / С. В. Кретинин // Феномен мировых войн в истории XX века : материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. – Воронеж, 2017. – С. 230–232.
11. Документы внешней политики СССР. Т. 22, Кн. 1. 1 января – 31 августа 1939 г. / под ред. В. Г. Комплекто-ва. – М. : Международные отношения, 1992. – 713 с.
12. Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 / М. И. Семиряга. – М. : Высшая школа, 1992. – 303 с.
13. Маркдорф Н. М. О миграциях бессарабских немцев в 1940-е годы / Н. М. Маркдорф // Сибирь гуманитарная. – 2024. – № 2 (6). – С. 36–47.

Воронежский государственный университет
Палютин Е. Е., аспирант кафедры истории России
E-mail: palyutin_evgenii@mail.ru

Voronezh State University
Palyutin E. E., Post-graduate Student of the Department of the Russian History
E-mail: palyutin_evgenii@mail.ru